

НАУЧНЫЙ КОНТЕКСТ

А. И. Куляпин¹

Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия)

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Юлии Вадимовны Каминской «Коллекции, таксономии, картотеки. Поэтика “систематизирующего” метаписьма в русской литературе 1920–1970-х гг.», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

В периоды смены жизненных циклов культуры особенно острым становится вопрос сохранения исторической памяти. Вполне закономерно, что на рубеже XX–XXI вв., в эпоху радикальных перемен глобального масштаба, эта проблема привлекла повышенное внимание представителей самых разных гуманитарных наук. В работах Алейды Ассман, Патрика Хаттона, Дэвида Лоуэнталя, Поля Рикёра, Николая Колосова и ряда других отечественных и зарубежных ученых была выявлена сложность и неоднозначность процесса формирования представлений о прошлом в любой мемориальной культуре. Диссертация Ю. В. Каминской, посвященная мнемонической поэтике художественного текста, вполне органично вписывается в русло указанного научного направления, что определяет несомненную актуальность ее исследования.

Очень основательна методологическая база работы. Ю. В. Каминская прекрасно ориентируется в основных тенденциях развития современной гуманитаристики. Важно, что сфера ее интересов не ограничивается литературоведением, активно привлекаются труды философов, историков, социологов, культурологов, искусствоведов.

Высока степень научной новизны и обоснованности положений и выводов, сформулированных в диссертации.

Внушительен список использованной литературы, включающий 272 наименования, в том числе более десятка книг и статей на английском языке. Би-

¹ Александр Иванович Куляпин – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия).

блиография систематизирована: в отдельные разделы помещены источники, архивные материалы, мемуарно-публицистическая литература, научные труды. Очевидно, что это не просто формальность, но проявление ясности и логичности мышления диссертанта.

Широк хронологический охват материала – от 1920-х до 1970-х гг. (впрочем, в поле зрения автора попадают и более поздние, «постсоветские» произведения Л. Рубинштейна, что, вероятно, следовало оговорить). Мотивируется это необходимостью рассмотрения этапов «утверждения советского проекта и достижения им своего апогея (Вагинов, Рубинштейн)» (с. 8). Соглашаясь в целом с таким обоснованием, хотелось бы уточнить вопрос о правомерности обозначения «долгих семидесятых» как апогея советского проекта. Не противоречит ли такое определение тезису В. Беньямина: «Потребность в накоплении – один из предвестников смерти как индивида, так и общества. Она обостряется в предпаралитический период»? Кроме того, во «Введении» Ю. В. Каминская соглашается с мнением Т. Л. Рыбальченко о том, что метатекстовые структуры актуализируются «в периоды эстетического кризиса, в период ломки эпистем, правил мышления о мире» (с. 4). Впишется ли творчество Л. Рубинштейна в рамки данной концепции?

В качестве объекта исследования были избраны стихотворные и прозаические произведения К. Вагинова, В. Набокова и Л. Рубинштейна, поскольку основные этапы эволюции «систематизирующего метаписьма» действительно связаны с творчеством именно этих писателей. Хотя, разумеется, существовали альтернативные варианты. Примечательно, например, превращение в конце 1920-х годов радикальнейшего авангардиста Алексея Крученых в библиофила и коллекционера. Его «синтетические альбомы» (Семен Гехт) не менее интересная форма систематизации и классификации артефактов ушедшей культуры, чем описываемые в диссертации коллекции и картотеки.

К очевидным достоинствам работы Ю. В. Каминской можно отнести привлечение неопубликованных текстов из национальных и зарубежных архивохранилищ: рукописей К. Вагинова из РО ИРЛИ РАН, черновых автографов В. Набокова из его личного фонда в библиотеке Конгресса (Вашингтон), машинописных карточек Л. Рубинштейна из Пермского Музея современного искусства «ПЕР-ММ». Введение в оборот нового историко-литературного материала, безусловно, повышает научную значимость диссертации.

В двух параграфах первой главы «Архив: собирание коллекций как ключевой принцип поэтики К. Вагинова» рассмотрен первый тип «систематизирующего» метаписьма – архивирующий.

Ю. В. Каминская убедительно доказала, что отношение К. Вагинова к необходимости и возможности сохранения культуры прошлого в условиях револю-

ционного переустройства общества было противоречивым: «...если на уровне фавулы его произведения демонстрируют неосуществимость сохранения культуры в новую “варварскую” эпоху, то представленная в художественной детали, лейтмотиве и метатексте (коллекции в коллекции) античная образность свидетельствуют о том, что такая форма памятования возможна» (с. 99).

Точно отмечено, что герои-коллекционеры К. Вагинова совершают «попытку привести этот мир в порядок, обрести почву под ногами при быстрой смене исторических вех, потере прежних культурных ориентиров» (с. 92). Однако «неконтролируемое собирательство создает хаос беспорядочного перечисления деталей, в котором нивелируется эстетическая значимость культурных достояний» (с. 99). В итоге оказывается, что, с одной стороны коллекционирование – это «своего рода терапия, механизм адаптации в чужой среде» (с. 92), а с другой – болезнь и сумасшествие. Показательны в этой связи строки из стихотворения «Под чудотворным, нежным звоном...» (1924): «Так сумасшедший собирает / Осколки, камешки, сучки, / Переменясь, располагает / И слушает остатки чувств».

Параграф 1.1 посвящен лирике К. Вагинова, параграф 1.2 – его прозе. Это вполне оправданно, поскольку как раз переход от лирики к прозе обычно считается поворотным этапом творческой эволюции писателя. Важно учитывать, что по времени этот поворот совпадает с глубочайшими переменами в советской культуре. Характерно, к примеру, изменение взглядов лидера отечественного футуризма Маяковского. В 1918 году он призывал: «Время / пулям / по стенке музеев тенькать» («Радоваться рано»), а в январе 1930 года готовит выставку «Двадцать лет работы», используя фонды Музея Революции, Третьяковской галереи и Центрархива.

Судя по всему, идейному авангардисту должна претить сама идея коллекционирования чего-либо. Д. Хармс писал в одном из писем: «...я не коллекционер. Я всегда презирал коллекционеров, которые собирают марки, перышки, пуговки, луковки и т. д. Это глупые, тупые и суеверные люди». В этом контексте хотелось бы понять смысл вагиновского плана создания «маленького музея остатков мира», являющегося «адекватной формой собирательской деятельности для последних свидетелей уходящей эпохи» (с. 99). Это преодоление писателем собственных авангардных установок, или творческая эволюция К. Вагинова должны описываться в других терминах?

Во второй главе диссертации автор обращается к творчеству «гения тотального воспоминания» В. Набокова. Основная цель этой главы в изучении еще одной типологической разновидности «систематизирующего» метаписьма – канона.

В параграфе 2.1 «Таксономия и карточки в творческом сознании писателя: биография, текстология, филологическая проза» глубоко аргументировано вскры-

вается причина обращения В. Набокова к «систематизирующей» поэтике и наглядно демонстрируется роль карточек-черновики в его творческой лаборатории.

Не менее интересен второй параграф второй главы «В. Набоков как писатель систематизатор», где анализируются набоковские приемы формирования литературного канона. Диссертант уместно прибегает здесь к использованию статических методов исследования текста, заметно повышая достоверность полученных результатов. Скрупулезно подсчитав количество упоминаний имен Пушкина, Толстого, Гоголя, Достоевского и других классиков в стихотворениях Набокова (с. 121) и в романе «Пнин» (с. 169), Ю. В. Каминская достаточно четко реконструирует набоковскую литературную иерархию. Правда, автор никак не комментирует вариативность оценок Набокова. Так, в 1947 году, выступая перед американской студенческой аудиторией, Набоков поставил Толстому пятерку с плюсом, Чехову пятерку, Тургеневу пятерку с минусом, Гоголю четверку с минусом, а в «Лекциях по русской литературе» выстраивается иная последовательность: «первый – Толстой, второй – Гоголь, третий – Чехов, четвертый – Тургенев». Если поэтический канон Набокова «Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Фет» на самом деле стал общепризнанным, то его «табель о рангах» русских прозаиков XIX века далеко не так бесспорна.

Рафинированные тексты Набокова дают возможность исследователю в полной мере проявить мастерство анализа. Во второй главе немало искусных интерпретаций и наблюдений. В частности, Ю. В. Каминской тонко выявлена особая роль поэтики имени в романе «Машенька» (с. 147–148).

В заключительной главе работы предметом исследования становится третий тип «систематизирующего» метаписьма – каталог. Существенно, что наряду с творчеством Л. Рубинштейна в этом разделе диссертации освещается также и житнетворческая стратегия поэта. Это, вне всякого сомнения, целесообразно, так как «подход к творчеству Рубинштейна выражается не только в не-различении видов искусства <...>, но и искусства и “жизни” в целом» (с. 184).

Л. Рубинштейн, по мысли Ю. В. Каминской, стремился «разрушить выстроившиеся жесткие иерархии советского искусства», уйти от «присущей советскому проекту вертикальной соподчиненности элементов» (с. 182). Даже собственный житнетекст поэт формирует на основе горизонтальных связей, подчеркивая полное равнодушие к карьерным лифтам и социальным лестницам. Пожалуй, бесполезно было бы соотнести эти тезисы с концепцией «Культуры Один» и «Культуры Два» В. Паперного. По мнению ученого, горизонтальность свойственна авангардной «Культуре Один», доминировавшей на протяжении 1920-х гг., а «Культура Два» (т. е. культура сталинской эпохи 1930–1950-х гг.) приобретает иерархически-вертикальный характер. Если принять точку зрения В. Паперного, то можно ли утверждать, что творчество Л. Рубинштейна – это

симптом приближающегося конца застойной «Культуры Два» и преддверие нового витка развития «Культуры Один»?

В отличие от набоковского литературного канона у Рубинштейна нет абсолютного никакой иерархии: рядом с Пушкиным может располагаться Иван Пушкин. Повышая статус одних литераторов, автор «Большой картотеки» непременно понижает репутацию других.

В поздней книге «Целый год» Рубинштейн будет пересматривать уже не реноме тех или иных писателей, но переиначивать смысл «сакральных» для советского человека дат и событий. Например, персонажем страницы «9 мая» становится «немецкий бизнесмен Адам Опель, основатель автомобильной компании, известной своими поставками грузового и легкового транспорта для нацистской армии» (с. 239).

В третьей главе много замечательно глубоких и пронизательных суждений по поводу текстов Рубинштейна, но не исключено, что некоторые интерпретации Ю. В. Каминской следовало бы уточнить. «В календаре Рубинштейна отсутствуют привычные для советского человека праздники, – пишет она. – Так, вместо указания на начало Нового года читаем: “Январь. 1. Ежегодно западноафриканская страна Камерун отмечает свой главный праздник – День независимости...”» (с. 239). Встреча Нового года в отличие от 23 февраля, 8 марта, 1 мая, 7 ноября праздник сугубо семейный, замена его на День независимости Камеруна как раз в духе советской идеологии (разумеется, спародированной).

Частные замечания, высказанные в ходе полемики, несколько не влияют на общую положительную оценку работы. Диссертация прошла очень серьезную апробацию. Концепция Ю. В. Каминской неоднократно обсуждалась на конференциях самого разного уровня в российских и зарубежных университетах. По теме диссертационного исследования Ю. В. Каминской опубликовано 6 статей, в том числе 5 статей в журналах, включенных в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» (из них 2 статьи в российском научном журнале, входящем в Web of Science).

Методологическая и научно-практическая значимость результатов, полученных Ю. В. Каминской в ходе исследования, подтверждена экспертами РФФИ. В 2018 и в 2020 гг. в рамках программ «Мой первый грант» и «Аспиранты» получили поддержку два гранта соискателя (грант РФФИ № 18-312-00115 «Конструирование профессиональной репутации в литературном процессе первой половины XX века: опыт писателей-самоучек и русских эмигрантов», 2018–2020 гг.; грант РФФИ № 20-312-90027 «Коллекции, таксономии, картотеки. Поэтика “систематизирующего” метаписьма в русской литературе 1920–1970-х гг.», 2020–2022 гг.).

Все сказанное позволяет заключить, что диссертация «Коллекции, таксономии, картотеки. Поэтика “систематизирующего” метаписьма в русской литературе 1920–1970-х гг.» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой содержится решение задачи по описанию стратегий «систематизирующего» метаписьма как феномена культурной памяти в русской литературе 1920–1970-х гг., имеющей значение для современного литературоведения и развития исследований по истории русской литературы. Диссертация соответствует требованиям, изложенным в «Положении о порядке присуждения учёной степени кандидата наук, ученой степени доктора наук Национальным исследовательским Томским государственным университетом». Автор диссертации, Каминская Юлия Вадимовна, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Официальный оппонент, доктор филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература, профессор по кафедре русской и зарубежной литературы, профессор кафедры литературы Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет»

Куляпин Александр Иванович

Адрес: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет», 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55.

Тел. (8-3852) 62-32-88

Email: fil-lit@altspu.ru

Веб-сайт: <http://www.altspu.ru>

24 мая 2023 г.